

— Не Цзэн Янь? Тогда кто погиб? — Кун Бин резко повернулся к Чэнь Чжэну, встретившись с его невозмутимым взглядом. — Ты... догадался об этом заранее?

Чэнь Чжэн покачал головой:

— Я просто счел подозрительной ту перемену, что произошла с ней в выпускном классе. Если предположить подмену, то многие нестыковки исчезают. То, что человек взрослеет за одну ночь из-за семейной трагедии — обычное дело. Но до выпускного Цзэн Янь вела себя в школе вызывающе и нагло, а дома, напротив, старалась быть максимально незаметной. После болезни Цзэн Цюня она преданно за ним ухаживала — это допустимо. Но после его смерти она берет лоток и внезапно становится жизнерадостной и открытой — это идет вразрез с её истинным характером. И есть еще кое-что.

Чэнь Чжэн пролистал блокнот с зацепками:

— В доме Цзэн я не нашел ни одного её фото с родителями. Подозреваю, что она избавилась от них сразу после смерти Цзэн Цюня. Стал бы человек, которого соседи считали почтительным и любящим ребенком, выбрасывать все снимки родителей?

Кун Бин глубоко вздохнул и медленно сел:

— Да. Если она вообще не настоящая Цзэн Янь, то и отсутствие фото, и резкая смена характера находят объяснение.

После недолгого молчания Чэнь Чжэн добавил:

— Та драка, когда Сяо Янь было семнадцать, сослужила нам добрую службу. Сохранились ли оригиналы записей? Я хочу их изучить.

Цзэн Янь училась во второй школе Чжуцзюаня. Во многих городах порядковый номер школы означает престиж, но «вторая школа» была перестроена из учебного заведения для детей рабочих завода. Название досталось ей случайно, а на деле это была одна из худших школ города.

14 ноября одиннадцать лет назад участок Хэлэ принял заявление о массовой драке школьников. Сейчас Чэнь Чжэн сидел за старым столом в участке, читал протоколы на компьютере и слушал жалобы полицейского на учеников второй школы.

Эта школа была своего рода «инкубатором» для шпаны. Каждый год туда приходила охалка подростков, которые не желали учиться, а мечтали стать «крутыми парнями» из гонконгских боевиков. И парни, и девчонки заводили себе «старших братьев и сестер» из верхушки хулиганов, дрались со сверстниками. Победители становились лидерами, проигравшие либо переводились, либо оставались на побегушках.

Полицейский помнил Цзэн Янь. Хотя девчонок-хулиганок хватало, большинство из них до рукоприкладства не доходило. Цзэн Янь была другой: она была и девочек, и мальчиков. В участок её привозили не раз. Драка 14 ноября была серьезной: несколько парней попали в больницу, а семеро участников, включая Сяо Янь, оставили образцы ДНК.

Причина конфликта с позиции взрослого казалась абсурдной. Хотя Сяо Янь была главной ударной силой, зачинщицей была не она. Главарь хулиганов Фэн Фэн был её «старшим братом»

еще со средней школы. Один из друзей Фэна положил глаз на девушку, у которой был парень. Фэн со своей бандой избил этого парня. Через три дня Фэн был в порядке, а его друг угодил в больницу. Разъяренный Фэн собрал всех друзей, включая дерзкую Сяо Янь, и две банды устроили побоище вне школы с применением арматуры и прочих «инструментов».

Чем больше полицейский вспоминал, тем больше деталей всплывало. Цзэн Янь вину не признавала. Её забрал Цзэн Цюнь, который при всех залепил ей пощечину. Она в ответ одарила его тяжелым, полным ненависти взглядом. Полицейскому до сих пор было не по себе от того воспоминания — так нормальная дочь на отца не смотрит.

Раз уж он оказался в участке Хэлэ, Чэнь Чжэн попутно спросил:

— В те годы, когда училась Цзэн Янь, во второй школе были другие крупные акты насилия?

— Ой, да полно! — махнул рукой полицейский. — Отчисления, переломы, сотрясения мозга — и не сосчитать. Но в основном страдали парни. Девчонки участвовали, но чтобы серьезно пострадали — не припомню. Сходите во вторую школу, спросите учителей. Сами понимаете, школы пекутся о репутации: если скандал не вышел за пределы стен, они к нам не обращаются.

Чэнь Чжэн и сам планировал туда заехать. Даже если ДНК погибшей не совпадает, школа — важная часть расследования круга общения, тем более когда речь идет о «кукушке в гнезде».

Чжуцюань — город маленький, и о резонансном убийстве в жилом комплексе «Фэншу» уже трубили на каждом углу. Многие учителя знали, что погибла их бывшая ученица. Поэтому, стоило Чэнь Чжэну появиться, директор лично выбежал навстречу, опасаясь, как бы подчиненные не сболтнули лишнего.

— Неужели и правда Цзэн Янь погибла? — директор выглядел обеспокоенным. — Может, ошибка вышла?

Чэнь Чжэн не стал упоминать о несовпадении ДНК. Он лишь сказал, что хочет узнать о годах её учебы: с кем была близка, с кем конфликтовала.

Директор как раз был завучем в те годы. Чэнь Чжэн заметил, как тот с трудом скрывает неприязнь при упоминании Сяо Янь. Видимо, она была той еще головной болью для педагогов.

Впрочем, директор не спешил делиться правдой. Напротив, он начал расхваливать её «верность друзьям» и «природный ум» — мол, если бы не лень, поступила бы в университет без проблем.

Видя, что тот окончательно ушел в фантазии, Чэнь Чжэн прервал его:

— Господин Ван, это дело об убийстве. По нашим данным, смерть Цзэн Янь может быть связана с её прошлым, особенно с той дракой в шестнадцать лет. Надеюсь на полезную информацию.

Директор смутился:

— Неужели... неужели это действительно связано с нашей школой?

Чэнь Чжэн выразительно промолчал.

Директор в сердцах хлопнул себя по колену:

— Наша школа, конечно, не фонтан, и в полицию наши детки попадают часто, но чтобы до смертоубийства доходило — такого не было!

— Пригласите её учителей или классного руководителя, — предложил Чэнь Чжэн.

Директору ничего не оставалось, кроме как позвать учительницу английского, которая была её классной дамой, а сам остался подслушивать за дверью.

Учительнице было за сорок, и она, как и директор, симпатии к Сяо Янь не питала:

— Я думала, что с девочками проще, чем с мальчиками. Думала, если приложу усилия, смогу наставить её на истинный путь. Но я ошибалась. С десятого класса и до самого отчисления она была сущим дьяволом.

У Сяо Янь было какое-то искаженное преклонение перед силой. Будучи девушкой, она презирала свой пол, считая женщин слабыми от природы. Она боготворила крутых парней из старших классов и гордилась статусом их «сестренки». Она могла ударить даже учительницу, не говоря уже об одноклассниках. Вызовы родителей не помогали: Цзэн Цюнь чаще всего ссылался на занятость, а если и приходил, то слушал вполуха. К одиннадцатому классу учителя фактически махнули на неё рукой.

В рассказе учительницы часто мелькало имя Фэн Фэна — того самого героя драки с ДНК. Сяо Янь была с ним очень близка, даже оставалась у него ночевать. Учительница подозревала роман, но Сяо Янь всё отрицала. При её характере скрывать отношения не было смысла — она бы скорее выставила их напоказ.

Чэнь Чжэн подметил странность. Сяо Янь вела себя скрытно дома, а из-за яркого макияжа соседи могли не заметить подмены — это логично. Но её одноклассники, и особенно этот Фэн Фэн, с которым она была «не разлей вода», — неужели они тоже были не в курсе? Она бросила школу после болезни отца, возможно, подмена произошла именно тогда. Неужели Фэн не заметил подвоха? Или за последние десять лет они совсем не общались?

Отсутствие связи могло объяснить неосведомленность Фэна, но само это отсутствие было новой загадкой. Что заставило их прекратить общение?

— Когда Сяо Янь приходила забирать документы, не случалось ничего необычного? — спросил Чэнь Чжэн. — Может, её «братья» пытались её остановить или провожали?

Учительница опешила и покачала головой:

— Так за документами приходила не она!

Чэнь Чжэн нахмурился:

— А кто?

— Её отец, — вспомнила классная дама. — В двенадцатом классе те, кто не идет в вуз, почти не ходят на уроки. Сяо Янь до зимних каникул еще заглядывала — посидит в классе, пойдет терроризировать младшекласников. Всё как обычно. Но после каникул она исчезла. Я уже и не хотела её трогать, но нужно было составить списки на пробные экзамены. Я позвонила домой, трубку взяла Сяо Янь. Сказала, что отец тяжело болен и она каждый день дежурит в

больнице, совсем времени нет.

Учительница замолчала с озадаченным видом:

— Знаете, она тогда показалась мне странной. Теперь, когда вы спросили, я вспомнила: она никогда раньше не разговаривала со мной так вежливо. Как нормальная ученица.

Чэнь Чжэн подумал: возможно, дело не в том, что Сяо Янь стала нормальной, а в том, что её уже подменили.

— Если Цзэн Цюнь был тяжело болен, почему он сам пришел забирать документы? Почему не пришла Сяо Янь?

Учительница задумалась:

— Не знаю. Помню только, что выглядел он ужасно: бледный, осунувшийся — сразу видно, человек серьезно болен. Сдал на глазах с последней нашей встречи. Сказал, что дочь не может отойти от дел, поэтому он пришел за ней всё оформить. В такой ситуации я просто не решилась задавать лишних вопросов.

После отчисления Сяо Янь окончательно исчезла из жизни второй школы. Такие ученики считались позором, о ней старались не вспоминать.

Чэнь Чжэн расспросил о судьбе Фэн Фэна и других близких друзей. Директор, вдоволь наслушавшись под дверью, решил все-таки помочь следствию (и заодно выгородить школу) и привел других учителей.

Записав несколько имен, Чэнь Чжэн отправился обедать в лапшичную неподалеку.

Документы забирал Цзэн Цюнь — это было неожиданно. Подмена точно произошла в выпускном классе. Если появилась фальшивая Сяо Янь, то куда делась настоящая? Настоящая не могла прийти в школу, ведь учителя, видевшие её ежедневно, мигом бы раскусили обман. И Цзэн Цюнь ей помог.

Но зачем отцу помогать той, кто занял место его дочери? Он был смертельно болен и находился под гнетом шантажа? Но у него еще были силы ходить. Это не вышло. У фальшивки был на него компромат? Например... исчезнувшая семья Чжу? Тоже притянута за уши: он уже стоял на пороге смерти, стал бы он бояться разоблачения старых грехов?

Было и другое объяснение: настоящая Сяо Янь и была той «хулиганкой», а появившаяся позже женщина и была истинной дочерью Цзэн Цюня!

Принесли лапшу. Чэнь Чжэн машинально взял со стола плетеную подставку — она была на удивление изящной. Он на секунду залюбовался тонкой работой, прежде чем поставить миску. Линии расследования сплетались в тугий узел. Цзэн Цюня не было в базе ДНК, так что проверить родство нынешней Сяо Янь было трудно. Но как бы там ни было, факт оставался фактом: «первая» Сяо Янь, скорее всего, мертва.

Чэнь Чжэн смотрел на имена в блокноте. Все эти «братья» и «друзья» — что они делали, когда она бросала школу? Когда она заново открывала лоток, ей было трудно, но никто из старых связей не пришел на помощь. С момента отчисления она будто обрубила все концы с прошлым.

Расплатившись, Чэнь Чжэн вышел из лапшичной. Его взгляд скользнул от высокого осеннего

неба к облезлым воротам школы. Эти стены хранили тайну, о которой полиция еще не знала. Сяо Янь — прежняя Сяо Янь, — а также Фэн Фэн и остальные были хранителями этого секрета.

А чтобы тайна не всплыла, им оставалось только одно — держаться друг от друга подальше.

Чэнь Чжэн хотел было сразу поехать к Фэн Фэну, но, сев за руль и прикинув факты, понял, что дело становится всё более вязким. Он закрыл глаза, вспоминая времена, когда был начальником угрозыска в Лочэне.

В шумной столице провинции хватало запутанных дел. Порой невзрачное убийство, подобно зыбучим пескам, затягивало в бездну огромных преступлений. В такие моменты пауза важнее бега. У оперативников Чжуцюаня было мало опыта в подобных делах, и сейчас они, скорее всего, уже стали «заложниками» горы мелких улик.

Кун Бин доложит наверх, возможно, город пришлет подкрепление. Чэнь Чжэн глянул на часы и решил вернуться в управление Бэйе, чтобы действовать по обстоятельствам.

В управлении сегодня было необычайно людно. Как он и предполагал, приехало руководство из городского департамента. Не желая участвовать в церемониях, он ушел курить на пустой балкон. Шум за спиной то нарастал, то затихал, а перед глазами лежал тихий и мирный жилой квартал. Мысли невольно унеслись далеко.

Любой, кто занимает пост начальника угрозыска миллионника, неизбежно тонет в интригах и светских условностях. Он с детства привык к такому окружению, но когда сам стал главным действующим лицом в этом театре любезностей, долго сопротивлялся.

Однако ответственность заставляла адаптироваться. Он постепенно отдалялся от оперативной работы, его вечно вызывали на совещания начальники всех уровней. Ему тоже хотелось вздремнуть на этих встречах; он давно не осматривал тела лично, но он был обязан стоять на этой высоте. Чтобы обеспечить подчиненным пространство для маневра, чтобы они могли не думать ни о чем, кроме дела. Шли годы, он казался всё более праздным, заслуги отдела записывали на его счет, но давление внутри росло с каждой секундой. Пока, наконец, всё не рухнуло.

Кто бы мог подумать, что он снова вернется «в поле» здесь, в Чжуцюане. Сбор улик, обходы — эта рутинная пробуждала в нем забытый азарт. Должность начальника была кандалами, и он давно не чувствовал такой жажды действия.

Послышались шаги. На этом балконе часто кто-то ходил, но в этот раз Чэнь Чжэн инстинктивно обернулся, когда звук приблизился. И замер, увидев пришедшего.

Мин Хань. Тот самый парень, что навязал ему ледяную кашу, а потом оказался кинологом... и бойцом мобильной группы провинциального управления.

— Брат, — Мин Хань сначала держал руки в карманах, но потом вынул правую и помахал. — Везде тебя ищут. Чего это ты тут в одиночестве дымишь? Дай одну.

Балкончик был крохотным, скорее выступом коридора. Одному там было комфортно, но двоим, если один из них — мужчина под метр девяносто, становилось тесно. Чэнь Чжэн отступил к перилам:

— Ищешь меня?

Мин Хань настойчиво ждал сигарету:

— Я как приехал, сразу услышал, что ты тоже в деле.

Чэнь Чжэн протянул сигарету, полагая, что у того есть зажигалка, но парень лишь невинно прикусил фильтр.

Чэнь Чжэн: ...

Это что за мобильная группа такая? Дай закурить, да еще и поднеси огня?

Чэнь Чжэн улыбнулся и прикрыл ладонью пламя. Щелчок — и вспыхнул тонкий огонек. Мин Хань тут же придвинулся, наклонив голову. Чэнь Чжэн вблизи разглядывал его макушку и ни с того ни с сего подумал: «Кажется, я впервые вижу его вихор. Волосы короткие, но, похоже, довольно мягкие?»

Мин Хань прикурил и, выпрямившись, встретил взгляд Чэнь Чжэна:

— Брат, ты на что это смотришь?

Чэнь Чжэн невозмутимо убрал зажигалку:

— Да, я занимаюсь этим делом, раз уж оно меня коснулось. А ты? Разве тебе не полагается быть в центре служебного собаководства?

Мин Хань улыбнулся и уже открыл рот, чтобы ответить, как к ним подбежал оперативник:

— Учитель Мин, вы здесь! Начинаем совещание.

Чэнь Чжэн удивленно приподнял бровь:

— Учитель Мин?

Мин Хань усмехнулся:

— В Чжуцюане доложили, что дело Цзэн Янь непростое, и попросили прислать кого-то из мобильной группы. Ну и вот он я — под рукой оказался.

<http://bllate.org/book/17170/1608082>